

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В ЮРИСТИКЕ: ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО СТАТУСА И ЮРИДИЧЕСКОЙ ЛИЧНОСТИ

Суюнова И. –

Независимый исследователь

Специалист по гарантиям,

ООО «My Freighter»

Искусственный интеллект проникает в нашу жизнь, мы все чаще видим в СМИ такие понятия, как "блокчейн," "искусственный интеллект," "робот," "электронное лицо." В ближайшем будущем роботы будут окружать нас повсюду, выполняя для нас физически сложную и высокоинтеллектуальную работу. Они не только будут летать на самолетах, побеждать мужчин в шахматах, но и начнут учиться самостоятельно, а также принимать самостоятельные решения. Поэтому уже сейчас актуально говорить о том, каким юридическим лицом будет искусственный интеллект. Станет ли он объектом права или станет полноправным субъектом? Стоит обратиться к прежним институтам права или создать для него совершенно новую отрасль права, чтобы не исказить и не создавать пробелы в уже существующих правовых нормах.

Как и в Древнем Риме, обсуждались вопросы предоставления прав рабам, и теперь человечество сталкивается с вопросом, что такое искусственный интеллект - объект права или субъект. Для достижения консенсуса по этому вопросу необходимо проанализировать все возможные правовые последствия классификации искусственного интеллекта как того или иного юридического лица. Стоит начать с того, можно ли классифицировать искусственный интеллект как субъект права, или, тем не менее, он является объектом.

Р.И. Дремлюга и О.А. Дремлюг считают, что юридическая личность человека, как правило, признается чем-то естественным, поскольку право создавалось человеком и для человека, оно развивалось на протяжении тысячелетий и основывалось на потребностях человека и таких характеристиках, как способность чувствовать и осознавать происходящее. Именно поэтому главным аргументом ПРОТИВ признания искусственного интеллекта (далее - ИИ) субъектом права является отсутствие некоторых принципиально важных элементов юридической личности, присущих человеку. Логика этих аргументов проста. ИИ не обладает качествами, важными для субъекта права, такими как душа, сознание, разум, способность намереваться, наличие желаний, интересов и т.д. Даже если ИИ демонстрирует проявление таких человеческих качеств, то это просто подражание, а не проявление реальных чувств и эмоций.

Незнамов А.В. и Наумов В.Н. также придерживаются этой точки зрения, утверждая, что любой ИИ является объектом робототехники, а субъектами являются разработчики, спонсоры или владельцы роботов и киберфизических систем. Естественно, представленная концепция имеет как положительные, так и отрицательные стороны. Среди положительных качеств, во-первых, можно включить четкое определение лиц (лиц), которые будут нести ответственность в случае причинения кому-либо вреда ИИ. Во-вторых, устраняется иллюзия полной "автономии" ИИ. Недостатком данной концепции является то, что она не предусматривает всех способностей, которыми будет обладать ИИ, например, создание объектов прав интеллектуальной собственности, владение правами на эту собственность и т.д. Стоит отметить, что эта концепция не нашла особой поддержки у теоретиков, и многие ученые по-прежнему склонны придавать ИИ юридическую силу. Итак, сторонники этой концепции делятся еще на несколько "лагерей." Среди них есть те, кто называет ИИ юридическими лицами, роботами как рабами в Древнем Мире и совершенно новым институтом, который еще не создан на законодательном уровне, но уже отражен в доктрине - роботом как электронным человеком.

Этот вопрос также был рассмотрен в рекомендациях Комиссии по гражданскому праву Европейского парламента, которая заявила: "В конечном счете, автономия роботов

поднимает вопрос об их природе в свете существующих правовых категорий - следует ли рассматривать их как физических, юридических лиц, животных или других существующих субъектов права, или следует создать новую категорию со своими особенностями и принятыми последствиями в контексте распределения прав и обязанностей, включая ответственность за ущерб."

Несмотря на то, что этот документ не является юридически обязательным, он ясно показывает нам, что этот вопрос уже стоит на повестке дня Европейского Союза. Рассмотрим каждое из этих понятий отдельно и проанализируем положительные и отрицательные стороны каждого из них. ИИ как юридическое лицо, в основе такой концепции, по мнению А. Винклера, лежит использование такой юридической фикции, как квазисубъектность юридического лица.

Эту теорию, например, поддерживает Александра Тюльканова, старший юрист Lex Borealis, но она обращает внимание на то, что при классификации ИИ как юридического лица возникает проблема избежания гражданской ответственности. Эта концепция имеет много негативных сторон, поскольку аналогия, данная с юридическим лицом, не всегда объективна и правильна из-за того, что за действиями юридического лица всегда стоит физическое лицо.

Также негативным последствием является то, что в этом случае роботу будут предоставлены те же права и обязанности, что и юридическому лицу, но в большинстве правовых предписаний перечень прав и обязанностей юридических лиц значительно ограничен, что приведет к ограничению возможностей искусственного интеллекта в связи с запретами закона, также будет проблема появления пробелов в законодательстве, поскольку введение нового аспекта в действующий закон всегда порождает неоднозначные правовые последствия. Присвоение искусственного интеллекта юридическим лицам может разрушить уже сложившиеся деловые практики, а также сломать саму систему юридического лица, поскольку институт робо-права все еще совершенно новый и имеет множество спорных вопросов, которые впоследствии могут затронуть всю правовую систему государства.

Согласно Kakoudaki D. и Turkle S., правила древнеримского права о рабстве могут стать основой для обеспечения роботов, наделенных ИИ, юридической ответственностью. Алексеевич И., Мустафа Е.К. считают, что применение законов рабства к роботам является проявлением антропоцентрического подхода, и такое отношение к рациональному существу (имеется в виду ИИ) возможно только на равных основаниях, то есть путем придания ИИ правоспособности, идентичной или равной человеческой.

Опровергая эту позицию, в качестве примера можно привести мнение Н. Невянца, утверждающего, что идея о придании ИИ независимого юридического лица необоснованна, поскольку в данном случае права человека экстраполируются на действия ИИ. В качестве примера он приводит возможность наделения юридической личностью отдельных животных, "обладающих сознанием и способностью иметь чувства," например, дельфинов. Конечно, даже сама идея придания ИИ юридического лица, идентичного человеку, разрушительна для правовой системы и уже существующих основ государства.

Примером может служить уже существующий негативный прецедент наделения робота правами человека, поэтому робот (геноид) София (идентифицирующая себя как женщина), созданный гонконгскими разработчиками Hanson Robotics, 25 октября 2017 года получил гражданство Саудовской Аравии на саммите Future Investment Initiative в Эр-Рияде. Это событие вызвало много правовых и этических конфликтов. Таким образом, согласно законам Саудовской Аравии, женщина не имеет полного спектра гражданских прав, она всегда должна быть покрыта (носить хиджаб), и она также может выезжать за границу только с разрешения мужа или родственника, чего София не соблюдала. Также был подвергнут критике тот факт, что роботу Софии легко было предоставлено гражданство, в то время как миллионы трудовых мигрантов работают в стране, их права строго ограничены, в частности, согласно законодательству Саудовской Аравии, иностранные работники не имеют права покидать страну без разрешения своего работодателя.

В результате этот прецедент разрушил один из основных принципов, лежащих в основе законов Саудовской Аравии, а также вызвал критику общественности и несогласие с принятием данного события, что привело к неоднозначности относительно правоспособности женщин. ИИ как новый, еще не созданный институт электронного лица, введение понятия "электронное лицо" в современную доктрину обусловлено, прежде всего, спецификой принципиально нового субъекта права - искусственного интеллекта.

При этом Ястребов О.А. пишет, что в данном случае мы можем сосредоточиться на следующей серии понятий "электронный человек" - "искусственный интеллект" ("электронный индивид") - "робот." Особое внимание следует обратить на то, что концепция искусственного интеллекта, которая включает в себя роботов, отвечающих специальным критериям, рассматривается как базовый компонент электронного человека. Именно поэтому правильное определение понятия и критериев "искусственного интеллекта" является основой для успешного отбора электронного лица в качестве полноправного субъекта права.

Другая концепция электронного лица была предложена Мохратом П.М. Он утверждает, что ИИ будет иметь не только права, но и обязанности. В то же время, основной целью придания ИИ единиц правоспособности является предоставление им определенных правовых последствий своих действий и возможности ощутить влияние правовой системы. По мнению автора, положительными аспектами принятия отдельной законодательной базы, относящейся только к электронному лицу, является, прежде всего, возможность преобразования ее в существующие законодательные институты без искажения. Внедрение нового элемента в уже функционирующий механизм всегда сложнее, чем создание нового учреждения, способного взаимодействовать с существующими.

Стоит отметить, что невозможно сразу создать новый институт и сделать его идеальным, на практике всегда будут вопросы, которые необходимо постоянно совершенствовать, а платформа нового законодательства даст нам возможность редактировать его с необходимой периодичностью. Постоянные пересмотры уже существующей законодательной базы в конечном итоге приведут к искажению ранее действовавшего законодательства, создадут в нем пробелы и противоречия, которые впоследствии могут разрушить всю законодательную систему в целом.

Подводя итог, хотел бы сказать, что проблема определения юридической личности искусственного интеллекта уже остро стоит перед законодателем. На данном этапе необходимо разработать доктринальную базу, увидеть, как работает этот институт за рубежом, и только после этого приступить к разработке собственного законодательства. Очевидно, что внедрение такого нового дизайна электронного лица в современную правовую систему создаст множество вопросов, которые потребуют глубокого анализа существующей правовой базы. Эта работа будет очень объемной и трудоемкой, и также потребует постоянного пересмотра и доработки, но давайте надеяться, что если мы заблаговременно позаботимся о создании доктринальной базы, то в будущем это даст преимущество в создании законодательной базы,

- **Искусственный интеллект в правоведении.**

Общественный мир в XXI веке претерпевает глобальные изменения. Создание информационного объединения, развитие современных технологий, создание искусственного интеллекта поставили новейшие вопросы перед человечеством, а также перед правовой вселенной как очень важной частью его жизни. Для гуманитарных знаний, правотворчества, специальности юриста и общей юриспруденции разработка современных технологий и создание искусственного интеллекта является одной из главных задач современного общества. Может ли искусственный интеллект "победить" природу и изменить или заменить многие профессии, включая, как уверены некоторые авторы, юридические профессии? Могут ли все виды юридической отрасли быть заменены роботами?

Не имея особых знаний в области искусственного интеллекта, я попытаюсь проникнуть в эту сложную дилемму с точки зрения бесплатных гуманитарных знаний и

охарактеризовать свое видение модификации правовой сферы в XXI веке. Во-первых, необходимо найти ответы на решающие, на мой взгляд, задачи с вопросами: как следует относиться к новейшим технологиям и внедрению искусственно созданного разума в юриспруденцию? Приведет ли этот функциональный потенциал к конкуренции на рынке труда и изменению некоторых степеней юридической специализированной квалификации юристов-роботов, как сделать выводы о весьма вероятных рисках использования искусственного интеллекта в правовой сфере деятельности?

Предмет внимания интенсивно обсуждается в юридическом сообществе: диапазон рассуждений расширяется от инертного отношения к технологическим инновациям до достаточно сбалансированного восприятия и предвидения ответственных последствий в вероятности потребления использования искусственного интеллекта в правовой практической реальности.

Основатель платформы, практикующая правозащитница Ирина Цветкова продемонстрировала твердость в книге о том, как в настоящее время происходит революция LegalTech. Обобщенную картину точек, на мой взгляд, можно представить следующим видением образа:

- как опасность формирования процесса юриспруденции в целом;
- как один из ноу-хау, определяющий свежесть новизны отдельных элементов юриспруденции.
- как современная технология (в широком смысле - LegalTech-революция), устанавливающая новый вектор для модификации юриспруденции новизной.

Отмечая консервативный взгляд на ситуацию как неперспективный, я сосредоточусь на следующих двух. "Замена" элементарного искусственного разума в юриспруденциальной среде может быть реализована в 2 направлениях:

а) с помощью компьютерной автоматизации точно определенных видов технических и юридических операций, и б) с использованием искусственного интеллекта, который предполагает постановку целей и предстоящих задач, определяемых самой "машиной." На рынке трудовой дисциплины уже есть рабочие места по специальности, предоставляющие юридические услуги с компьютерными инновациями.

Например, новейшие технологии в области юридических вакансий развиваются в правильных направлениях: механизация типичных юридических вакансий, рост юридических онлайн-услуг для клиентов, переход конструктивных судебных приказов в онлайн-режим, создание приговоров на основе искусственного интеллекта. Современные технологии, используемые в юридической сфере (адвокат-боты и конструкторы), позволяют сделать юридические услуги более доступными и понятными. На примере подробностей, задокументировать претензионные требования, сложить договорное обязательство, зарегистрировать предпринимательское предприятие, декларировать доход.

Цифровая модификация в юридической официальной среде успешно реализуется в различных государствах, например, в государстве Украина: адвокаты-боты с представительством представлены в виде всплывающих окон (PopUp-windows) на интернет-порталах, непосредственно или косвенно связанных с юридической официальной практикой, и в виде специально подготовленных услуг или разделов услуг (например, адвокат-бот в Telegram-сервисе).

Противоположными моделями контента, получившим распространение и признание во многих странах с передачей, являются онлайн-юридические консультации и онлайн-юстиция. Созданы юридические веб-сервисы для покупателей, например, DE-YURE DE-ФАКТО, которые охватывают широкую базу правозащитников, консультирующих по типичным вопросам.

Онлайн-правосудие упрощает координацию граждан с судебной властью, например, предусматривает функцию подачи искового заявления, других процессуальных документов в электронной форме. Электронная юстиция позволяет вести видеозапись судебных заседаний

и транслировать их онлайн. Сервисы позволяют решать многие практические задачи адвокатской практики: прогнозирование судебных дел и тестирование подрядчиков; поиск и анализ судебной практики; использование юридического конструктора чат-ботов для проведения интервью и консультирования клиентов; использование конструктора документов на основе заказных шаблонов; коллективное обнаружение контента и операции eDiscovery.

Например, в Республике Беларусь средства на применение современных технологий, к сожалению, ограничены. На официальном портале Верховного суда Республики Беларусь есть функция E-COURT "Электронное производство по экономическим делам," которая предлагает стандарты документов для вызова в суд по уголовным и гражданским делам, производства по административным правонарушениям, экономическим делам и отправки электронного заявления в процесс. За последние десятилетия западные страны накопили богатый опыт автоматизации эффективности работы юристов, связанной с выполнением различных видов резервных технических процедур, не требующих специальной психической подготовки.

Для стран с англо-американским правом (общее право) это аналитическая работа с прецедентами, анализ юридических документов, их исполнение и представление в судебную власть. Компьютерные схемы уже позволяют находить факты в определенных процессах банкротства, налогах, медицинском страховании, готовить документы, прогнозировать исход судебного разбирательства - эти задачи охватывают ключевой элемент правовой практики.

Для государств с романо-германской правовой системой (Гражданское право) - изучение и систематизация правовой информации, ее исполнение, установление однотипных требований, завещаний, разрешение типовых договоров и других действий. В качестве примера рассмотрим случай с простым судебным процессом, созданным студентом Стэнфордского университета Джошуа Браудером в 2015 году для использования владельцами автомобилей, которые не согласны с парковочными билетами. Программа генерирует вопросы для робота в качестве основы для текста апелляции. Робот уже имеет свой первый успех: сумма выигранных кейсов составляет три миллиона долларов. Однако в результате влияния адвоката-робота существует уязвимость: ему предоставляется возможность задавать вопросы и отвечать на них, но не предусматривается фактор, который оценивает адвокат-человек, в частности.

Таким образом, внедрение новейших компьютерных технологий в сфере адвокатуры, автоматизация услуг адвокатских фирм подтверждаются многими прецедентами общей практики, иллюстрирующими их обоснованность как современных инструментов, значительно упрощающих решение юридических вопросов, освобождающих адвокатов от рутинного мышления и технических действий и, в целом, способных изменить профессию адвоката. Возникает вопрос: насколько безупречен результат их внедрения, вероятны ли ошибки (технические, юридические), существует ли вообще опасность и как ее предотвратить?

На мой взгляд, можно избежать стратегических системных ошибок в автоматизации ряда корпоративных правовых действий (консультирование с юридическими ботами, исследование и глобальный анализ правовой информации, установление типовых правовых документов и т.д.), но следует учитывать юридические ошибки. После анализа ситуации с возможными угрозами, проконсультируйтесь с юристами, занимающимися ботами.

"На самом деле, как автор статьи "Бот - доброжелатель или враг адвоката" Андрей Конопля, адвокат-бот, представляет собой чат-бот, набор алгоритмов, которые обрабатывают вашу просьбу, а затем, используя внешние ресурсы, предоставляют преимущественно релевантную обратную связь по аспектам конкретного бота." Метод нахождения выводов довольно прост: сбор и изучение влияющих нормативных актов, регулирующих реальную сторону заданного вопроса и понятия выводов (стандартные вопросы - стандартные ответы).

Однако препятствия в программировании алгоритмов могут вызвать трудности с юридической квалификацией: выбор из ряда соответствующих правовых актов, исключительно в странах с хрупкими правовыми системами, постановка конфликтных задач. Может ли юрист-бот задать эти простые вопросы юристу-человеку, чтобы получить квалифицированный ответ? Дополнительный риск, по словам Андрея Конопля, связан с вопросами информационной безопасности и конфиденциальности. Преступники, вероятно, являются основателями чат-бота разведки и стоят репутации юридической фирмы, в которой она появилась.

Предупреждение последствий этих опасностей отражается в правовом регулировании порядка разработки метода поиска правовой информации, аналогичных запросов в базе данных, анкетирования клиентов, отбора рекомендаций, утверждения механизма безопасности чат-сессий и т.д. Другой момент связан с революцией LegalTech и касается использования ложного разума в юриспруденции, которое охватывает постановку целей и задач, определенных самим роботом. Педагог Джон О. Макгиннис предсказывает, что компьютерное образование и другие цифровые схемы могут вскоре изменить юридическую профессию, а искусственный интеллект заменит юристов с юридическим образованием.

Возникают естественные вопросы: возможно ли заменить все варианты юридической деятельности фальшивым умом, возможно ли предсказать риски их реализации и как свести их к минимуму? В какой-то степени ответы на эти вопросы будут заключаться в природе предсказаний, вероятностей, а порой даже "научных фантазий." Но не лучше ли было бы предсказать происхождение инноваций через революцию LegalTech, оценить их возможности и возможные риски и сравнить их с идеальной юридической поддержкой? Я попытаюсь представить свои идеи в беседе с доктором юридических наук, профессором Игорем Николаевичем Глебовым. Автор статьи "Искусственный правовой интеллект" полон оптимизма по поводу фэйкового правового интеллекта. После всего этого, как описывает И. Глебов, тема постановки - это переход "от юриспруденции человеческой ошибки, беспомощности и страсти к беспристрастности.

Да, нелегко утверждать, что сообщество между роботом-адвокатом и человеком-адвокатом с набором человеческих слабостей и тягот (законодатель, судья, прокурор) предпочло бы беспристрастного робота. И следует признать, что вовлечение фальшивого ума в юридическое пространство - это реальность, которую должно учитывать и общество, и государство, но давайте посмотрим, насколько безупречна эта система для юрисконсультов и защищена ли она от ошибок (технических, системных, существенных). Или мы попытаемся предвидеть опасности и негативные последствия внедрения фальшивого ума в юридическую деятельность.

Игорь Николаевич Глебов считает, что "техника не совершает ошибок с справедливой осторожностью. Это безупречно." Строгое утверждение о первом принципе, но позже бесконечно величественное дополнение: "Идеально так же, как человек заботился, защищался и был обрамлен." Кроме того, я вижу в нем определение основного риска - риска доверия человеку. Мы говорим о человеческом факторе, отложенном интеллекте, который производит фальшивый интеллект: он разрабатывает программу, устанавливает порядок навыков и функций для робота, другими словами, "приводит его в порядок." Существует ли риск при создании продукта с начальными дефектами, которые затем влияют на результат? Почти во всех случаях профессия IT-специалистов безупречна? В основном "уязвимые" для внедрения фальшивого ума, на мой взгляд, представлены два основных направления юриспруденции: судебная деятельность и законотворческая деятельность. Может ли робот выступать в роли судьи, юриста, законодателя? Способны ли компьютерные программы безопасно выполнять эти функции? Будет ли общественность удовлетворена общепринятыми решениями? Решение не будет ясным.

Проблема для арбитра заключается в том, чтобы, сохраняя беспристрастность и объективность, безошибочно охарактеризовать рассматриваемое дело и решить, подпадает ли оно под влияние той или иной правовой нормы. И в этом отношении ход судебного

мнения схож с алгоритмом, диктуемым программой: позитивный случай, иногда с уникальными сложными фактическими закономерностями, вынужден сочетаться с общей правовой нормой, призванной координировать стандартные ситуации.

Пора тщательно проанализировать траекторию развития высококлассовой компетентности в организации юридического образования. внедрение юридического ИИ (искусственный интеллект - неестественный интеллект) организует конкуренцию на рынке труда, победителями которой станут юристы, владеющие, например, аналогичными инструментами, такими как ROSS или Beagle, использующие более автоматизированную практику, компьютерные схемы.

Мы должны готовиться к эпохе фейковой разведки. В этом контексте набор компетенций и умений, установленных для профессионального портрета юриста-интеллектуала, включая законодательство, искусство медиации и т.д., на мой взгляд, должен быть расширен чрезвычайными навыками обращения с сегодняшними юридическими технологиями фейковой мысли. ИТ-обучение должно существовать в рамках образовательной программы (например. IT Business Legal Course - Числовое право, Информатика) на основе степени. Для участия в программировании юридических вопросов необходимо иметь базовые знания статистических методов и понимать взгляды на создание и оптимизацию алгоритмов неестественного разума, а также основы их работы. Я осмеливаюсь предположить, что сочетание юридической и компьютерной подготовки перспективно для совершенного юриста XXI века: создание робота-юриста может быть результатом творчества этих двух профессий.

Привилегированный интеллектуальный юрист, достойный профессионала в своей области, останется выше конкуренции. Безупречно и гуманно организованный юрисконсульт сможет занять высококлассное функциональное положение в творческом процессе юридического бизнеса и в случае конфликта между противоестественной причиной и специальностью юрисконсульта, противостоять и приобретать "роботов" в качестве технических партнеров: противоестественную причину для помощи естественной. Неестественный интеллект, учитывая огромные возможности электронных вычислительных машин, может быть использован для решения сложных экспериментальных задач. Я осмеливаюсь предвидеть на уровне "фантазий правового сознания," что цель и назначение адвокатуры в эпоху современного развития неестественного разума будут подвергаться корректировке:

Понимание абсолютно новых явлений в современной жизни (таких как права роботов, блокчейна, криптовалюты, цифровой торговли, беспилотных транспортных средств) поднимает вопрос о соответствующем правовом регулировании, разработке новейшего законодательства и, следовательно, переосмыслении классических правовых концепций, создании новых экспериментальных и образовательных программ. По-видимому, условием времени является создание междисциплинарных академических направлений, расположенных в необычной для нас среде: юридические науки и ИТ-технологии.

Заключение

Использование передовых технологий неестественного разума не только расширит возможности решения глобальных правовых вопросов, но и позволит нам перевести многие аспекты повседневной юридической жизни на "язык цифр." Итак, возникает вопрос: как реагировать на "вмешательство" противоестественного разума в сферу юриспруденции? Мне кажется, мы должны принять это и признать его партнёром роботов. В политической стратегии юридического образования, на мой взгляд, акцент вынужден быть сделан, прежде всего, на изучении современных информационно-коммуникационных технологий; во-вторых, на развитии привилегированной категории специалистов, обладающих знаниями и навыками юридического консультанта и информатика, способных совместно разрабатывать численные программы, методы и другие продукты, преимущественно эффективно влияющие на результаты юридической деятельности. Формирование индустриальной и гуманитарной

подготовки интеллектуальных юристов повысит их вклад в тонкую сферу юриспруденции и минимизирует риски, связанные с внедрением искусственного интеллекта в экосистему.

ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Дремлюга Р.И., Дремлюга О.А. Правосубъектность искусственного интеллекта и проблемы правового регулирования. - М.: Юридическая литература, 2019.
2. Незнамов А.В., Наумов В.Б. Стратегия регулирования робототехники и киберфизических систем // Закон. 2018. No2. С. 69-89.
3. Solum L.B. Юридическая личность для искусственного интеллекта [Pravosub "ektnost' dlya iskusstvennogo intellekta] // North Carolina Law Review. - 1992. - Т. 70. -No 4. - С. 1231-1287. - С. 1257.
4. Winkler A. We the Corporations: How American Business Won Their Civil Rights / A. Winkler. - Нью-Йорк: Liverlight Publ., 2018. - 472 с.
5. Коллизии "права роботов" // "Эт неделя"
6. Какудаки Д. Анатомия робота: литература, кино и культурная работа искусственного интеллекта / Д. Какудаки. - Нью-Брансуик: Rutgers University Press, 2014. - 272 с. 22. Туркл С. Вместе в одиночестве: почему мы ожидаем больше от технологий и меньше друг от друга / С. Туркл. - Нью-Йорк: Basic Books, 2011. - 386 с.
7. Невежанс Н. Европейские нормы гражданского права в робототехнике: Учебное пособие. Брюссель, Комитет по правовым вопросам Европейского парламента, 2016. 34 с.
8. Права женщин на Ближнем Востоке и в Северной Африке: гражданство и справедливость. 2005. С. 262.
9. Ястребов О.А. Правосубъектность электронного лица: теоретико-методологические подходы // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2018. Т. 13. No2. С. 36-55.
10. Цветкова И. Искусственный интеллект в суде, боты-юристы и краудфандинг правовых споров - как начинается LegalTech-революция. 2017 год.
11. Конопля А. Бот - друг или враг юриста?
12. Интернет-портал судов общей юрисдикции Республики Беларусь.
13. Робот-юрист, который выигрывает судебные дела. - 2016.
14. Джон О. Макгиннис. Машины в. Адвокаты. По мере развития информационных технологий юридическая профессия сталкивается с большим хаосом // Городской журнал. Весна, 2014.
15. Глебов И.Н. Искусственный юридический разум //Сетевой научный юридический журнал "Гуманитарное право." 1 января 2018 года.
16. Как искусственный интеллект изменит юриспруденцию. 2017 год.

РЕЗЮМЕ:

В данной статье рассматриваются основные теоретико-правовые аспекты использования искусственного интеллекта в правовой системе, анализируются современные подходы к определению его правового статуса, исследуются проблемы юридической дееспособности искусственного интеллекта.

Ключевые слова: искусственный интеллект, цифровые технологии, правовое регулирование, юридическая личность, электронное лицо, LegalTech, цифровая трансформация права.

REZYUME:

Ushbu maqolada huquqiy tizimda sun'iy intellektdan foydalanishning asosiy nazariy va huquqiy jihatlari ko'rib chiqiladi, uning huquqiy maqomini aniqlashga zamonaviy yondashuvlar tahlil qilinadi va sun'iy intellektning huquqiy salohiyati bilan bog'liq masalalar ko'rib chiqiladi.

Kalit so'zlar: sun'iy intellekt, raqamli texnologiyalar, huquqiy tartibga solish, huquqiy shaxs, elektron shaxs, LegalTech, huquqning raqamli transformatsiyasi.

RESUME:

This article examines the key theoretical and legal aspects of the use of artificial intelligence in the legal system, analyzes modern approaches to defining its legal status, and examines issues related to the legal capacity of artificial intelligence.

Keywords: artificial intelligence, digital technologies, legal regulation, legal personality, electronic person, LegalTech, digital transformation of law.